

ТЕЗИС НЕРЕДУЦИРУЕМОСТИ КВАЛИА: АРГУМЕНТИРОВАННЫЙ ВЫВОД ИЛИ НЕОБОСНОВАННАЯ ПРЕСУППОЗИЦИЯ?*

Сопов Михаил Сергеевич – аспирант.
Санкт-Петербургский государственный университет, факультет психологии.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–2;
e-mail: mikhail.sopov@gmail.com

В статье обсуждается вопрос о возможности натуралистического объяснения феноменального опыта (квалиа). Анализу подвергается один из мысленных экспериментов, предложенных Д. Чалмерсом в книге «Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории», а именно зомби-эксперимент. Показывается, что выводы данного эксперимента могут быть признаны верными лишь при условии, что экспериментатор представит себе полного функционального аналога человека. Однако условие это невыполнимо, поскольку от экспериментатора требуется владение тотальностью знаний о предмете представления. То, что экспериментатор представит, так или иначе определяется наличными концептуальными схемами. Делается вывод, что тезис нередуцируемости квалиа, аргументация которого основана на данных мысленных экспериментов, является presuppositionem рассуждений о природе сознания, а не их следствием. И presuppositionem эта может быть оспорена подобно тому, как Н.И. Лобачевский оспорил интуитивное правдоподобие пятой аксиомы Евклида. В качестве альтернативного понимания природы квалиа предлагается подход Дж. Макдауэлла, получивший в литературе название «перцептивный концептуализм».

Ключевые слова: феноменальный опыт, квалиа, философский зомби, Дэвид Чалмерс, перцептивный концептуализм, Джон Макдауэлл

QUALIA IRREDUCIBILITY THESIS: RATIONAL ARGUMENT OR UNREASONABLE PRESUPPOSITION?

Mikhail S. Sopov – PhD Student.
Saint Petersburg State University, Faculty of Psychology.
7–2 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russian Federation;
e-mail: mikhail.sopov@gmail.com

The article discusses the possibility of a naturalistic explanation of phenomenal experience (qualia). It starts with the analysis of one of the thought experiments described by D. Chalmers in his book “The Conscious Mind. In search of a fundamental theory”, namely, a zombie experiment. The article shows that the conclusions of this experiment can be recognized as correct only provided that the experimenter imagines a complete functional analogue of a human being. However, this condition is not feasible, since the experimenter is required to possess the totality of knowledge about the imaginary creature. Experimenter’s imagination is in one way or another determined by the available

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–311–20004 «Эпистемологический потенциал функционального и нейробиологического подходов к исследованию интенциональных актов».

conceptual schemes. It is concluded that the thesis of the irreducibility of qualia, based on the data of thought experiments, is a presupposition of conscious mind studies, and not their conclusion. From my point of view, this presupposition can be challenged just as N.I. Lobachevsky challenged the intuitive plausibility of Euclid's fifth axiom. As an alternative understanding of the nature of qualia I propose J. McDowell's approach, which is called "perceptual conceptualism".

Keywords: phenomenal experience, qualia, philosophical zombie, David Chalmers, perceptual conceptualism, John McDowell

Начало XXI в. ознаменовалось значительным прогрессом в сфере исследований искусственного интеллекта. Развитие нейросетевых технологий позволило создавать программы, способные к распознаванию живой речи, диагностике заболеваний на уровне квалифицированных экспертов, контролю сложных производственных процессов, а также выполнению многих других операций, еще недавно считавшихся прерогативой человека. Сегодня создание функционального аналога человеческого интеллекта уже не выглядит невыполнимой задачей. Однако среди множества головоломок, решаемых исследователями при разработке вычислительных моделей интеллекта, существует серьезная философская проблема, рассматриваемая многими авторами как принципиально неразрешимая. Речь идет о проблеме феноменальных качеств, также обозначаемых в литературе как квалиа.

Представим себе следующую ситуацию. Ученым удалось сконструировать андроида, являющегося полным функциональным аналогом человека. Он может распознавать и синтезировать речь, имитировать человеческое поведение, отслеживать тонкие социальные контексты, осуществлять целеполагание, заниматься творческой деятельностью и выполнять многие другие операции, рассматриваемые ранее как сугубо человеческие. К условиям мысленного эксперимента стоит также добавить, что внешне андроид неотличим от обычного человека. Такой робот пройдет любую версию теста Тьюринга, он будет казаться окружающим типичным представителем вида *homo sapiens*. Однако, взглянув на картину Ван Гога, увидит ли он ее в том смысле, в каком видит предметы человек? Понюхав цветы сирени, почувствует ли он их аромат или всего лишь произведет обработку информации и сгенерирует надлежащий ответ подобно тому, как это делают термостаты или детекторы движения? Иными словами, имеет ли функциональный аналог человека феноменальный опыт или является существом бессознательным? На первый взгляд, обе гипотезы кажутся правдоподобными. Несложно представить себе андроида, имеющего весь спектр человеческих переживаний. Несложно представить себе и противоположную ситуацию.

Из сказанного следует, что наличие у андроида феноменального опыта является логически возможным. У нас нет концептуальных

ограничений для представления подобной ситуации. Случайно взятое функциональное состояние (к примеру, переработка ольфакторной информации) может сопровождаться феноменальным опытом (переживанием аромата сирени), но может существовать и независимо от последнего. Иными словами, как формулирует этот тезис С. Крипке, феноменальные и функциональные состояния не связаны отношением логической необходимости [Kripke, 1980]. Данный вывод не исключает параллелизма двух классов событий. Одно и то же функциональное состояние может раз за разом сопровождаться феноменальным переживанием, однако это не значит, что появление одного состояния с необходимостью предполагает появление другого состояния. Единственное, о чем здесь может идти речь, это о корреляции событий. Каждый раз, когда функциональное состояние А сопровождается феноменальным переживанием А', это выглядит как воля случая, а не естественное положение вещей, описываемое научной теорией. Бесспорно, для случая нет ничего невозможного, он может раз за разом совмещать два класса событий. Однако из этого не следует, что данное функциональное состояние всегда будет сопровождаться феноменальными переживаниями. Как отмечает Дж. Левин, между двумя способами описания мира наличествует объяснительный разрыв [Levine, 1983]. Феноменальные факты невозможно вывести из функциональных или физических¹ фактов путем дедукции, во всяком случае на сегодняшний день. Иными словами, феноменальные факты все еще не получили редуктивного объяснения в рамках научной теории, описывающей физические процессы или процессы переработки информации в головном мозге.

Необходимо отметить, что разрыв в объяснении сам по себе не является ситуацией, характерной исключительно для философии сознания [Секацкая, 2015а; 2015б]. В естественных науках ученые нередко сталкиваются с коррелятивными связями, долгое время не поддающимися объяснению. К примеру, до появления в физике молекулярно-кинетической теории процесс кипения воды должен был казаться весьма таинственным процессом. Нагревание воды до определенной температуры всякий раз вызывает интенсивное парообразование. Два этих события связаны между собой коррелятивной связью – из опыта известно, что обычно они сопутствуют друг другу. Однако средневековому ученому было несложно представить, что нагревание воды может происходить без всякого парообразования.

¹ Дж. Левин противопоставляет феноменальные качества фактам физического мира. В данной статье я использую понятие «функциональный» как синоним понятия «физический». Вне дискуссий о возможности множественной реализации сознания их различение теряет какой-либо смысл. В обоих случаях речь идет о фактах или состояниях, встроенных в естественный порядок вещей, то есть являющихся частями каузально замкнутой вселенной.

Такой расклад событий показался бы ему необычным, но не противоестественным. Ведь в его распоряжении не было теории, рассматривающей кипение как необходимое следствие химических процессов, происходящих в жидкости при ее нагревании. Для установления логически необходимой связи между событиями требуется предложить теорию, которая описывала бы эти события в рамках единой концептуальной системы. Развивая метафору Дж. Левина, можно сказать, что события должны быть связаны объяснительным мостом. Как только ученые предложат теорию, трактующую феноменальные качества как необходимое следствие работы мозга или процессов переработки информации, рассмотренный мною мысленный эксперимент потеряет эвристическую силу. Ведь бессознательный андроид лишится ряда функциональных состояний, имеющих необходимую связь с отсутствующими феноменальными переживаниями, а значит, его поведение будет отличаться от поведения сознательного агента, каузальная роль которого окажется более многообразной. Создателям нового теста Тьюринга (теста Войта-Кампфа) останется лишь определить, каких функциональных состояний недостает бессознательному андроиду, после чего методика выявления сознательных агентов будет работать безотказно. Однако здесь феноменальные качества являют свое самое зловещее свойство.

По мнению современного философа Д. Чалмерса, феноменальные качества принципиально необъяснимы в рамках какой-либо естественно-научной теории, они нередуцируемы к фундаментальным законам физики или когнитивных наук² [Chalmers, 1996; 2010]. Любая научная теория включает в себя набор понятий, описывающих отдельные свойства предметов. К примеру, понятия массы, скорости, пространства и времени являются концептуальным ядром ньютоновской механики. Для описания физического явления его необходимо представить в форме конъюнкции исходных теоретических понятий. Причем теоретическое описание должно хотя бы отчасти соответствовать реальности. В противном случае оно оказывается логичной, но бессодержательной игрой со словами. Соответствие же между теорией и реальностью предполагает, что реальность *дает минимальные основания для ее концептуализации*. Иными словами, понятия обозначают отдельные свойства реальности. Приписывание свойству А понятия В', введенного для обозначения свойства В, является грубой ошибкой (кроме тех случаев, когда понятие обозначает несколько аспектов реальности – однако их перечень должен быть заранее оговорен). В том случае, когда некая реальность не дает оснований для ее концептуализации, научное описание данной реальности

² Необходимо оговориться, что речь здесь идет не только о теориях, существующих в рамках современного естествознания, но и о потенциальных теориях, которые только предстоит создать.

представляется невозможным. Именно так, по мнению Д. Чалмерса, обстоит дело с феноменальными качествами.

Мысленный эксперимент, рассмотренный в начале данной статьи, предполагает, что экспериментатор представит себе *полного* функционального аналога человека. Более сильной версией эксперимента является мысленная ситуация, описанная Д. Чалмерсом в книге «Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории» [Chalmers, 1996]. Читателю предлагается представить своего двойника, тождественного ему во всем, кроме субъективных переживаний (такое существо обозначается как философский зомби). Двойник обладает тем же анатомическим устройством, той же физиологической комплекцией, тем же репертуаром поведенческих реакций и т.д. Однако он полностью лишен феноменальных качеств. Как отмечает Д. Чалмерс, представить данную ситуацию совсем не сложно. Из представимости ситуации делается вывод о ее логической возможности. По мнению Д. Чалмерса, эвристическая сила данного эксперимента состоит именно в том, что речь в нем идет не о схематизации человека с поправкой на известные читателю теоретические описания, а о *полной* копии человека. А это означает, что выводы мысленного эксперимента касаются не только существующих теорий человека, но и любых научных теорий. Таким образом, тезис логической возможности философского зомби ложится в основу вывода о его метафизической возможности, являющегося куда более громким заявлением. Возможность представления философского зомби относится не к отдельным теориям, но к естественно-научному знанию вообще.

Если выводы Д. Чалмерса верны, то феноменальные качества не могут быть схвачены ни одним естественно-научным описанием: они неминуемо высказываются из рук ученого-теоретика. Причиной же тому является не «когнитивная закрытость» познающего субъекта, устройство которого не позволяет схватить отдельные аспекты реальности (как об этом заявляет К. Макгинн [McGinn, 1999]), а реальность как таковая, которая не дает познающему субъекту оснований для ее концептуализации. Не важно, каких успехов достигнут естественные науки в их историческом развитии: они не в силах объяснить феноменальные качества. Рассмотренный вывод поддерживается большим числом философов, которых Ф. Джексон шутливо называет «квалиа-фриками» [Jackson, 1982]. К ним с некоторыми оговорками могут быть отнесены Н. Блок, Т. Нагель, Дж. Левин, Ф. Джексон и К. Макгинн. Позиции философов различаются преимущественно степенью радикальности отстаиваемого ими тезиса. К примеру, К. Макгинн считает, что теоретическое описание квалиа может быть создано существом с другой эволюционной историей или с другими когнитивными способностями. Однако представитель вида *homo sapiens* не в силах создать научную теорию феноменальных качеств [McGinn, 1999; Гарнцева, 2012].

Несмотря на популярность рассмотренной позиции, существуют веские основания для признания ее некорректности. Критике выводов чалмерсовского зомби-эксперимента³ посвящено огромное число философских работ [Васильев, 2009; Нагуманова, 2011; Иванов, 2013; Hill, 1997; Szabó Gendler, Hawthorne (ed.), 2002; Kirk, 2005; Stoljar, 2006]. Основной удар в них наносится по ключевому условию мысленного эксперимента, а именно необходимости представить себе полного функционального аналога человека. Недостаточно представить себе теоретическую модель человека с поправкой на существующие объяснительные схемы. В противном случае выводы эксперимента окажутся достаточно тривиальными: наличная картина мира не позволяет объяснить феноменальные качества. Но как представить себе функционального аналога человека во всей его полноте? Для выполнения этой задачи требуется представить себе не просто фигуру с руками и ногами, покрытую кожным покровом и содержащую в себе некоторый набор органов, внешний вид которых взят из учебника по биологии. Представить необходимо человека какой-он-есть. А это, в свою очередь, предполагает обладание тотальностью знаний о человеческой природе. Как отмечает Д. Дэннет, никто из ныне живущих людей не способен представить себе весь объем знаний в какой-либо предметной области [Dennett, 2005]. Результат представления так или иначе определяется наличными концептуальными схемами. Думая о философском зомби, ученый XVII в. наверняка представлял бы себе нечто отличное от того, что представляем себе мы, жители XXI в. Как минимум, он не мыслил бы тело как совокупность элементарных единиц, называемых клетками. Его представление о тотальности знаний в области биологии осталось бы на уровне науки начала Нового времени. Д. Столджер также критикует аргумент Д. Чалмерса с позиций эпистемологического релятивизма. Мы склонны абсолютизировать доступные нам знания в силу ограниченности наших представлений о мире. Если бы познающий субъект имел доступ ко всем фактам объективного мира, наличные теории казались бы ему сомнительными. Однако он смотрит на мир сквозь призму этих теорий. По этой причине посылки теорий кажутся ему самоочевидными, а всякая попытка представить функциональный аналог человека оборачивается конструированием теоретической абстракции, которая выглядит настолько же реалистичной, как и любые воспринимаемые предметы. Мы не имеем права судить о реальности на основе наших представлений. Сегодня нам кажется, что философский зомби может легко обойтись без сознания, однако

³ Мысленный эксперимент, в условия которого входит представление философского зомби, является частью более обширного аргумента от представимости (Conceivability Argument), включающего еще несколько мысленных экспериментов. В настоящей статье я ограничиваюсь обсуждением зомби-эксперимента.

завтра, когда откроются новые факты касательно феноменальных качеств, вчерашние попытки представить себе философского зомби покажутся неубедительными [Stoljar, 2006].

Итак, справедливо заключить, что представление функционального аналога человека или философского зомби является детищем конкретного индивида, принадлежащего к конкретной исторической эпохе. А значит, вывод о нередуцируемости квалиа относится лишь к узкому классу теорий, а не к естественно-научному знанию вообще. Бесспорно, ни одна из существующих теорий не позволяет редуцировать квалиа к более фундаментальной физической реальности. Но значит ли это, что квалиа являются в принципе нередуцируемыми? С чисто логической точки зрения, данный вывод не является правомерным. Он имеет форму индуктивного умозаключения. Его можно представить в форме следующего силлогизма:

а. Ни одна из имеющихся теорий не позволяет редуцировать квалиа к более фундаментальной реальности.

б. Следовательно, квалиа в принципе нередуцируемы.

Данное возражение может показаться стороннику Д. Чалмерса не вполне убедительным. Действительно ли представление полного функционального аналога человека является необходимым условием правомерности выводов зомби-эксперимента? Или достаточно принять тезис о том, что возможность представления философского зомби сохранится независимо от прогресса в научном постижении человека? Иными словами, что является необходимым условием правомерности зомби-аргумента: тотальность теоретического знания или тотальность возможности представления? Второй тезис кажется более убедительным. Нельзя представить себе теорию, которая накладывала бы непреодолимые ограничения на возможность представления альтернативного положения дел. Потенциальная теория квалиа не сможет препятствовать представлению философского зомби, насколько бы точной она ни являлась. Проблема состоит в том, что тезис этот справедлив для любого теоретического утверждения. Нет ничего сложного в том, чтобы представить себе кипение холодной воды. Молекулярно-кинетическая теория воспрещает представление альтернативного положения дел лишь в рамках молекулярно-кинетической теории, которая сама по себе может быть оспорена. Как отмечает К. Поппер, всякая научная теория является гипотетической формой знания, допускающей пересмотр и корректировку [Popper, 2002]. Возможность представить иное положение дел лишь подчеркивает эту особенность научного знания. Контрфактуальность является универсальной чертой человеческого мышления, лежащей в основе теоретического творчества [Карпенко, 2016]. Бесспорно, философский зомби всегда может быть представлен. Однако это не говорит о том, что теоретическое описание квалиа невозможно. Единственное, что следует из данного тезиса, – это невозможность

исчерпывающей теории квалиа. Какое бы объяснение феноменальных качеств ни было предложено, оно всегда будет оставлять нечто в тени. Как, впрочем, и любая физическая теория, включая молекулярно-кинетическую теорию.

С учетом сказанного, мне кажется очевидным, что вывод мысленного эксперимента, описанного Д. Чалмерсом, не является правомерным. Он наводит на мысль о том, что редуктивное объяснение феноменальных качеств представляет собой непростую задачу. Однако из этого не следует, что данная задача невыполнима. Так что же заставляет философов, отстаивающих тезис нередуцируемости квалиа, придерживаться занимаемой ими позиции? Ведь ситуация выглядит парадоксальной: логически противоречивый аргумент ложится в основу целого направления философской мысли. Как получилось, что, несмотря на обильную критику, мысленные эксперименты наподобие зомби-эксперимента так часто используются в дискуссиях о природе сознания?

Как было отмечено ранее, коррелятивная связь между событиями не позволяет сделать вывод об их каузальном отношении. Для установления логической необходимости требуется теория, выступающая в роли объяснительного моста. Из приведенного анализа зомби-эксперимента следует, что нередуцируемость квалиа является фактом эмпирическим: ни одна из известных научных теорий не позволяет дать их адекватного объяснения. То есть между попытками редуктивного описания квалиа и последующими за ними провалами наличествует коррелятивная связь, а не логическая необходимость. Уверенность ряда философов в принципиальной нередуцируемости квалиа заставляет сделать парадоксальный вывод: *в их распоряжении имеется теория, обосновывающая занимаемую ими позицию.* Иными словами, их представление о феноменальных качествах является теоретически ангажированным. Задача мысленных экспериментов состоит не в прояснении понятия квалиа, а в иллюстрации суждения, принимаемого без всяких доказательств, а именно суждения о принципиальной нередуцируемости феноменальных качеств, невыразимости их на языке естественно-научной теории.

С одной стороны, квалиа обладают свойством самоочевидности: об их существовании мы знаем из непосредственного опыта. С другой стороны, они обладают свойством нередуцируемости. Два этих утверждения являются исходными посылками рассуждений о природе сознания. Однако действительно ли они имеют одинаковый эпистемический статус? Тезис самоочевидности квалиа представляет собой априорную истину. Когда кто-либо говорит о квалиа, он говорит о том, что воспринимается субъектом непосредственно. Слово сочетание «неосознанное переживание» является оксюмороном. Если речь идет о переживании, к которому субъект не имеет доступа, тогда возникает вопрос: а кто же тогда имеет к нему доступ? Наличие

«перспективы от первого лица» является сущностным свойством феноменальных качеств. Возможно ли сделать аналогичное заключение в отношении нередуцируемости квалиа? По мнению ряда философов, на этот вопрос следует дать положительный ответ. Причиной тому является устойчивая интуиция, заставляющая считать тезис нередуцируемости квалиа безусловно истинным. Обсуждая одну из версий аргумента от представимости, Ф. Джексон отмечает: «Очевидно, нет ни малейшего смысла сомневаться в его формальной корректности; истинность посылки является интуитивно очевидной как для меня, так и для них (других философов, отстаивающих тезис нередуцируемости квалиа. – М.С.)» [Jackson, 1982, p. 127] Эту же мысль высказывает и Д. Чалмерс: «Мои теоретические интересы не затрагивают статус интуиций (речь идет об их эпистемическом статусе. – М.С.), однако без привлечения рефлексии я нахожу справедливым, что многие философы, включая меня самого, апеллируют к интуиции» [Chalmers, 2014, p. 535] В конечном счете, именно нерелексивная убедительность интуиции квалиа является финальным аргументом Д. Чалмерса против рассмотренных возражений. В этом смысле его апологетика нередуцируемости квалиа напоминает апологетику здравого смысла, развернутую Дж. Муром [Moore, 1925]. С моей точки зрения, эта позиция до сих пор не встретила принципиальных возражений. Известные мне оппоненты Д. Чалмерса последовательно критикуют описанные им мысленные эксперименты, однако эпистемический статус интуиций как таковых не ставится ими под сомнение⁴.

Правомерность высказывания, основанного на авторитете интуиции, непросто подвергнуть сомнению. Ведь тезис самоочевидности квалиа также не имеет последовательного обоснования. Ну что поделаться, если понятие «квалиа» обозначает непосредственные переживания, а не, скажем, стол или кружку? Аналогичная полемика возможна и в отношении тезиса нередуцируемости. По неизвестным нам причинам нередуцируемость квалиа оказалась их сущностным свойством. Однако истории науки известно множество случаев, когда суждения, основанные на авторитете интуиции, были признаны ошибочными или, во всяком случае, допускающими пересмотр. Примером такого суждения является пятая аксиома Евклида. До публикации работ Н.И. Лобачевского невозможность пересечения параллельных прямых казалась математикам не подлежащей сомнению. Как и в случае с нередуцируемостью квалиа, истинность аксиомы

⁴ Возможно, такое положение дел является следствием реалистической установки ранней аналитической философии, наделяющей познающего субъекта прямым доступом к объективной реальности либо к опосредующим ее «сенсорным данным» (в терминах Б. Рассела). Однако эта гипотеза требует последовательного историко-философского изучения, выходящего за рамки настоящей статьи.

о параллельных прямых фундировалась доводами интуиции. Иными словами, она воспринималась как априорная истина. В своих работах Н.И. Лобачевский не опроверг геометрию Евклида, но поставил ее интуитивную убедительность под сомнение. Гипотетически пятая аксиома Евклида может быть верна, однако если это так, то ее истинность является апостериорной: для ее обоснования требуются дополнительные доводы. На сегодняшний день большинство физиков склоняются к истинности римановой геометрии. Причиной тому являются не эмпирические свидетельства и тем более не интуитивная убедительность, а объяснительный потенциал теории относительности, разделяющей положения римановой геометрии.

С моей точки зрения, истинность тезиса нередуцируемости квалиа также требует дополнительных доказательств. Он может оказаться истинным, но тогда речь будет идти об истине апостериорной, а не об истине по определению. В таком случае создание научной теории феноменальных качеств действительно окажется безнадежной затеей. Однако противоположная позиция также может быть истинной. Для ее аргументации требуется предложить теорию, которая, с одной стороны, схватывала бы личный характер феноменальных качеств, а с другой – производила бы их редукцию к некоторой более фундаментальной реальности. В качестве претендента на такую теорию может рассматриваться подход Дж. Макдауэлла, получивший в литературе название «перцептивный концептуализм» [McDowell, 1994; Brewer, 2005]. В данном подходе перцептивная сфера рассматривается как часть сферы концептуального. Причем под перцептами понимаются не только психические репрезентации предметов, но и феноменальные переживания: все то, о чем субъект может считаться как о содержании своего перцептивного опыта. Переживание красного не противопоставляется понятию «красный», они относятся друг к другу, как субъект суждения относится к предикату. Иными словами, перцептивное редуцируется к концептуальному.

В данной статье я не буду подробно рассматривать подход Дж. Макдауэлла; его обсуждению посвящена обильная литература, и на сегодняшний день он имеет больше противников, нежели сторонников [Peacocke, 2001; Tye, 2005; Byrne, 2009]. Мне важно показать, что подобный подход, существующий вопреки интуиции нередуцируемости квалиа, может стать потенциальным решением сложной проблемы сознания. В случае, если феноменальные качества введутся в сферу концептуального (или «пространство обоснований», как называет ее вслед за У. Селларсом Дж. Макдауэлл [McDowell, 1994]), эвристический потенциал зомби-эксперимента резко снизится. Ведь функциональный двойник человека, лишенный феноменальных качеств, лишится также и набора концептов, входящих в общее пространство обоснований и, вероятно, связанных с другими концептами посредством логических связей. А это означает, что каузальная

роль концептов, ранее связанных с феноменальными качествами, резко ослабнет, станет не настолько многообразной. Операция, производимая в рамках мысленного эксперимента, приведет к разрыву каузальной цепи, выпадению из нее некоторых звеньев. В итоге поведение философского зомби будет отличаться от поведения осознанного субъекта (пусть и несущественно). Их функциональные состояния будут нетождественны друг другу. Разумеется, возможность представления философского зомби остается сохранной, однако не в рамках означенного подхода. Проблема феноменальных качеств сводится в нем к проблеме формирования концептов, а также к проблеме их определения. В отличие от трудной проблемы сознания, данные проблемы не кажутся принципиально неразрешимыми (несмотря на долгую историю их философского осмысления). А это значит, что у специалистов в сфере искусственного интеллекта остается надежда на создание полноценного аналога человеческого интеллекта.

Таким образом, причиной убедительности зомби-эксперимента являются не логические доводы, а интуитивное правдоподобие тезиса о нередуцируемости квалиа, которое, в свою очередь, может опираться на неотрефлексированную предпосылку, являющуюся частью «народной» теории сознания. Подобно тому, как Н.И. Лобачевский поставил под сомнение пресуппозицию евклидовой геометрии, заключающуюся в невозможности пересечения параллельных прямых (тесно связанную с «народной» теорией пространства), пресуппозиция невыразимости квалиа также может быть поставлена под сомнение. И возможно, что альтернативная теория квалиа, на роль которой сейчас может претендовать подход Дж. Макдауэлла, окажет на развитие наук о сознании такое же влияние, какое неевклидова геометрия оказала на развитие современной физики.

Список литературы

Васильев, 2009 – *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция. 2009. 272 с.

Гарнцева, 2012 – *Гарнцева Н.М.* Современные нередуктивные подходы к психофизической проблеме (Макгинн, Нагель, Чалмерс) // *Философские науки.* 2012. № 11. С. 129–139.

Иванов, 2013 – *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М.: УРСС, 2013. 240 с.

Карпенко, 2016 – *Карпенко А.С.* Сверхреализм. Ч. I: От мыслимого к возможному // *Философский журнал.* 2016. № 2 (9). С. 5–23.

Нагуманова, 2011 – *Нагуманова С.Ф.* Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казанский ун-т, 2011. 221 с.

Секацкая, 2015а – Секацкая М.А. Исследование сознания в философии и когнитивных науках: почему трудная проблема сознания не нуждается в решении // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 185–194.

Секацкая, 2015б – Секацкая М.А. Почему разрыв в объяснении не является решающим аргументом против натурализма в философии сознания // Эпистемология и философия науки. 2015. № 2. С. 125–135.

References

Brewer, B. “Perceptual Experience Has Conceptual Content”, in: M. Steup, E. Sosa (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. Malden: Blackwell, 2005, 364 pp.

Byrne, A. “Experience and Content”, *Philosophical Quarterly*, 2009, vol. 59, pp. 429–451.

Chalmers, D.J. *The Conscious Mind. Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1996, 414 pp.

Chalmers, D.J. “The Two-Dimensional Argument Against Materialism”, in: Chalmers, D. *The Character of Consciousness*. New York: OUP, 2010, pp. 141–192.

Chalmers, D.J. “Intuitions in Philosophy: a Minimal Defense”, *Philosophical Studies*, 2014, vol. 171, no. 3, pp. 535–544.

Dennett, D.C. *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 2005, 199 pp.

Garntseva, N.M. “Sovremennye nereduktivnye podhody k psihofizicheskoj probleme (McGinn, Nagel, Chalmers)” [Modern Nonreductive Approaches to the Mind-Body Problem (McGinn, Nagel, Chalmers)], *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2012, no. 11, pp. 129–139. (In Russian)

Hill, C.S. “Imaginability, Conceivability, Possibility and the Mind-Body Problem”, *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 1997, vol. 87, no. 1, pp. 61–85.

Ivanov, D.V. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya* [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow: URSS, 2013, 240 pp. (In Russian)

Jackson, F. “Epiphenomenal Qualia”, *Philosophical Quarterly*, 1982, vol. 32, pp. 127–136.

Karpenko, A.S. “Sverkhrealizm. Chast' I: ot myslimogo k vozmozhnomu” [Hyperrealism, Part 1: From the Thinkable To the Possible], *Filosofskii zhurnal – Journal of Philosophy*, 2016, vol. 9, no. 2, pp. 5–23. (In Russian)

Kirk, R. *Zombies and Consciousness*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005, 235 pp.

Kripke, S.A. *Naming and Necessity*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1980, 184 pp.

Levine, J. “Materialism and Qualia: The Explanatory Gap”, *Pacific Philosophical Quarterly*, 1983, vol. 64, pp. 354–361.

McDowell, J. *Mind and World*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994, 191 pp.

McGinn, C. *The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. New York: Basic Books, 1999, 242 pp.

Nagumanova, S.F. *Materializm i soznanie: analiz diskussii o prirode soznaniya v sovremennoj analiticheskoj filosofii* [Materialism and Consciousness: An Analysis of the Debate on the Nature of Consciousness in Contemporary Analytical Philosophy]. Kazan: Kazan University, 2011, 221 pp. (In Russian)

Peacocke, C. “Does Perception Have a Nonconceptual Content?”, *Journal of Philosophy*, 2001, vol. 98, pp. 239–264.

Popper, K. *The Logic of Scientific Discovery*. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2002, 513 pp.

Sekatskaya, M.A. “Issledovanie soznaniya v filosofii i kognitivnykh naukah: pochemu trudnaya problema soznaniya ne nuzhdaetsya v reshenii” [Consciousness in Philosophy and Cognitive Science: Why the Hard Problem Doesn’t Need a Solution], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 4, pp. 185–194. (In Russian)

Sekatskaya, M.A. “Pochemu razryv v ob”yasnenii ne yavlyaetsya reshayushchim argumentom protiv naturalizma v filosofii soznaniya” [Why the Explanatory Gap is not a Decisive Argument Against Naturalism in Philosophy of Mind], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, no. 2, pp. 125–135. (In Russian)

Stoljar, D. *Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006, 249 pp.

Szabó Gendler, T., Hawthorne, J. (eds.). *Conceivability and Possibility*. New York: Oxford University Press, 2002, 518 pp.

Tye, M. “Non-conceptual Content, Richness, and Fineness of Grain”, in: Gendler, T. and Hawthorne, J. (eds.) *Perceptual Experience*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005, 560 pp.

Vasilyev, V.V. *Trudnaya problema soznaniya* [The Hard Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2009, 272 pp. (In Russian)